

Ю.А. ЯКОВЛЕВА

Нетрадиционные религиозные организации и социальная среда (Дисфункциональность взаимодействия)

Религиозный неконформизм и диссидентство, в обиходе выражаемые довольно аморфным понятием "сектантство", – одна из наиболее полемичных тем в российском медиапространстве и шире – в социально-политическом дискурсе. О вреде сект, определяемых как "тоталитарные", часто информирует телевидение; о необходимости противодействия таким течениям говорят церковные иерархии, системные политики. Существует и противоположная точка зрения: правозащитники, как правило, охотно защищают подобные, якобы дискриминируемые религиозные объединения. Аналогичным образом разделено и общественное мнение. Согласно исследованию ВЦИОМ, деятельность сект вызывает устойчивое неприятие в среднем у 26% респондентов (независимо от личной религиозности и места проживания): они испытывают по отношению к их адептам чувство настороженности, враждебности и т.п. Но примерно такое же количество – 23% – не видят в сектантах ничего опасного для общества [ВЦИОМ, 2006].

Между тем публичная полемика относительно данного феномена идет на уровне эмоций или ангажированности. СМИ, в основном ориентированные на рейтинги просмотров/продаж, предлагают своей аудитории "сенсационные факты", которые в лучшем случае представляют собой тенденциозно отобранную информацию о той или иной неформальной религиозной общине, а в худшем – "озвучивание" или "картинку" далеких от правды слухов. Оценки церковного сообщества, содержащие ценную информацию о вероучении и культовой практике различных сект, в каком-то смысле носят предвзятый характер вследствие апологии собственного кредо. Не отличается объективностью и точка зрения правозащитников, поскольку восходит к идее неотъемлемости прав и интересов религиозных диссидентов независимо от реального содержания их деятельности. Точно так же персональные и идеологические установки доминируют в позициях российских политиков, варьирующихся от предложений уравнять в правах все религиозные организации, внося соответствующие поправки в закон "О свободе совести и религиозных объединениях" 1997 г., до полного законодательного запрета сект или установления над ними жесткого контроля¹.

¹ В этом законе присутствует правовая неопределенность: там вообще ничего не говорится ни о традиционных конфессиях, ни о сектах, поэтому юридически значимые определения данных понятий в нем, естественно, отсутствуют. Лишь преамбула, не обладающая юридической силой, риторически указывает на особую роль в истории и культуре нашей страны традиционных религий – православного христианства, ислама, иудаизма и буддизма. – *Ред.*

Что касается научного анализа феномена нетрадиционной, неконформистской религиозности, то ситуация в данной сфере достаточно проблемна. С одной стороны, и религиоведение, и социология религий на макроуровне оперируют описанными и введенными в научный оборот классиками этих дисциплин понятиями "секта", "церковь" (М. Вебер, Э. Трельч), "культ" (Г. Беккер), "деноминация" (Р. Нибур), "устойчивая секта" (Дж. Ингер). На этой теоретической основе в рамках институционального подхода в отечественной науке закрепилось определение секты как маргинального по отношению к тем или иным религиозным направлениям течения, для которого характерны претензии на исключительность своего учения, настроения избранничества, тенденция к изоляционизму и строгое, доходящее до фанатизма, выполнение нравственных и ритуальных предписаний [Яблоков, 1998, с. 283–284].

Но с другой стороны, применение упомянутой и подобных ей дефиниций на микроуровне вызывает серьезные споры, вопросы и затруднения. Как, например, научно разграничить традиционные (исторические) религии и нетрадиционные (сектантские) вероучения, не говоря уже о том, чтобы дать каждому из этих понятий юридическое истолкование? Принято считать, что первые – идейные комплексы, длительное время существующие на данной территории, передающиеся последующим поколениям ее жителей и глубоко укорененные в их культуре и психологии. Вторые – религии, новые для данного культурно-исторического ареала, как правило, получившие распространение в результате миграции их носителей, прозелитической активности миссионеров и т.п. и посему не являющиеся имманентной частью менталитета и жизненного уклада коренного населения [Миронов, Бабинов, 1999, с. 81]. Легко понять, что положенные в основу приводимых определений критерии трудно назвать объективными вследствие их аморфности и амбивалентности. Поэтому неудивительно, что посредством таких категорий практически невозможно дать взвешенную качественную и тем более правовую оценку социальным практикам нетрадиционных религиозных объединений (НРО)².

Выделенное мной противоречие разрешимо при использовании методик функционального анализа – соотнесения функциональных характеристик и "обязанностей" НРО с соответствующим профилем других социальных институтов, позволяющего выявить место и роль изучаемого объекта в обществе, оценить степень функциональной гармонии во взаимоотношениях между ним и остальными институтами и группами социума.

Так, наиболее значимая и дискутируемая социальная функция любой религии – интеграция и стабилизация. Религия действительно способна выступать эффективным фактором сплочения и адаптации людей к экстремальным (кризисы, войны) и рутинным жизненным ситуациям. Конечно, религия обладает и конфликтным началом, которое выражается в ее притязании на исключительное обладание истиной. Рассмотрение своего учения как имеющего Божественное происхождение автоматически влечет отношение к другим религиозным взглядам как к ложным. Однако традиционные конфессии за время длительного существования, во-первых, выработали модели неконфронтационного взаимодействия с обществом, государством, друг с другом, что, конечно, не избавляет их полностью от конфликтности такого рода. Во-вторых, церковные деноминации самостоятельно ограничивают радикальные тенденции в своей среде. Например, Русская православная церковь (РПЦ) в 1998 г. осудила сектантское по духу течение младостарчества, требовавшее от паствы "отказа от вступления в брак или супружеской жизни в браке, от воинского служения, от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей, от получения медицинской помощи и образования" и т.п. [Определение... 1998]. Аналогично Духовное управление му-

² В данном контексте показательна попытка депутата Государственной думы А. Чуева, предпринятая в 2002 г., законодательно определить понятие "традиционная конфессия". Он предложил считать ее таковой по количеству последователей, времени существования и признанию факта, что "данная религиозная организация – неотъемлемая часть духовного, исторического и культурного наследия народов России" (Ведомости. 2007. 20 марта). Это предложение было отвергнуто как недостаточно обоснованное. – *Ред.*

сульман противостоит ваххабизму и иным версиям радикального ислама. Другими словами, нельзя не видеть, что традиционным конфессиям как общественным институтам присуща социальная гибкость и способность идти на компромисс в неоднозначных социально-культурных ситуациях.

В деятельности НРО, напротив, доминирует дезинтегративная и дестабилизирующая тенденция. В крайне жесткой, радикальной форме провозглашая свои учения единственно открывающими путь к спасению, такие объединения культивируют у своих последователей черно-белое мышление, когда окружающий мир воспринимается в жестких бинарных оппозициях типа "мы–они", "свой–чужие" и пр. Большинство НРО находятся в сознательной и открытой конфронтации с окружающей социальной средой, и в целях уточнения социологической специфики подобных религиозных общностей уместно употреблять по отношению к ним дефиницию "конфронтационные".

Правда, следует уточнить, что, во-первых, каким бы социально оппозиционным ни было НРО, ему так или иначе приходится контактировать с социальным окружением: органами юстиции, налоговой инспекцией, комитетом по взаимодействию с религиозными организациями, родственниками своих адептов и т.д. Во-вторых, конфронтация НРО с социальной средой иногда упрощается до их противостояния институционализированным церковным деноминациям. Конечно, модель взаимодействия между господствующими конфессиями России и неформальными религиозными группами не может быть гармоничной вследствие их естественной конкуренции в особой сфере социокультурного воздействия на современный социум. Однако неверно полагать, будто НРО перманентно бросают открытый вызов "конфессиональным гигантам". Скорее наоборот, религиозные диссиденты в известной мере стремятся обозначить с ними диалог с целью своей легитимизации в семантическом пространстве, улучшения имиджа в глазах общественности и органов власти, избавления от клейма маргиналов. Например, российское отделение неоориенталистского "Международного общества сознания Кришны" предпринимало неоднократные попытки установить контакты с РПЦ. В официальных письмах в патриархию руководство кришнаитов неоднократно подчеркивало необходимость поддержания братских, добрососедских отношений между двумя древнейшими монотеистическими религиями [Уминский, 2001, с. 198]. Однако РПЦ, рассматривая кришнаитов как социально деструктивную общину, в определении Архиерейского собора 1994 г. "О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме" ясно выразила свою позицию по отношению к новым религиозным движениям, засвидетельствовав их несовместимость с традиционным христианством. На практике эта линия выражается в том, что РПЦ считает неприемлемым любое взаимодействие с подобными группами, кроме открытого теологического диспута [Определение... 1994].

Если кришнаиты пытались установить связь с РПЦ принятыми в обществе способами, то иные НРО используют любую, в том числе недопустимую с нравственной и правовой точек зрения возможность предстать перед общественностью в качестве признанных православной церковью организаций. Известны случаи, когда лидер неоориенталистской группы "Аум Синрикё" Секо Асахара и руководитель псевдохристианской "Церкви Объединения" Сан Мен Мун, попав в фотокадр с иерархами РПЦ, затем использовали эти снимки как свидетельство своей религиозной "легитимности" [Уминский, 2001, с. 198–199]³.

Более явственно конфликтность НРО проявляется во взаимоотношениях с государственными органами. Естественно, объединения данного типа в ситуациях, когда, по

³ Особый разговор – взаимодействие НРО между собой. Несмотря на их конфронтационный характер и конкуренцию за привлечение неопитов, нетрадиционные общины часто идут на сотрудничество. Оно может быть продиктовано самыми разными поводами и обстоятельствами, но в основе его лежит прагматический мотив: совместная оборона от "агрессии" со стороны внешнего "греховного мира" (см. [Семенов, 2001, с. 117; Лещинский, 2005, с. 185]). Этот сюжет требует отдельного исследования.

их мнению, затрагивается их репутация религиозных организаций, используют весь доступный арсенал средств защиты своего реноме. Они обращаются с жалобами в различные властные структуры (в комитеты Государственной думы или к отдельным депутатам, курирующим религиозную сферу) и общественные организации, отслеживающие механизм реализации в России прав и свобод граждан (Институт свободы совести, Московская, Хельсинкская группа и др.); привлекают к своим проблемам внимание общественности посредством выступлений в СМИ, особенно в Интернете (в скобках подчеркну, что в связи с все возрастающей его ролью одного из основных средств массовой коммуникации НРО, впрочем, как и традиционные конфессии, усиливают свое присутствие во всемирной "паутине"); направляют письма протеста журналистам, медийным органам или экспертам, которые, по их мнению, искажают информацию о религиозной и социальной практике неформальных общин; инициируют судебные иски о защите чести и достоинства. Причем правозащитную и эпистолярную активность проявляют не только их руководители, которые как раз и призваны, помимо всего прочего, отстаивать интересы возглавляемых ими организаций, но и рядовые верующие.

Впрочем, этот аспект конфронтационного поведения НРО сам по себе не может быть квалифицирован как социальная дисфункция: перечисленные действия, за отдельными исключениями, укладываются в рамки допустимой в демократическом обществе социально-политической активности общественного объединения. Подлинная дисфункциональность общин такого типа заключается в ином – в создании интериоризованного внутригруппового информационного пространства, формирующего у адептов "новой истины" радикальное социокультурное мировоззрение, мало- или совсем несовместимое с реальностью. Отнюдь не случайно, что практически всем НРО свойственна избыточная регламентация норм внутригруппового взаимодействия, выражающаяся в максималистских требованиях к своим членам: установке на тотальную включенность в жизнь общины; бойкоте или жестоком наказании провинившегося приверженца; отстаивании приоритета групповых ценностей и интересов в ущерб семейным, профессиональным, общественным и др. Вышеперечисленные требования не просто повышают конфликтность самого объединения, но резко усугубляют его изоляцию в обществе, формирует маргинальную среду, в которой находятся его члены.

На персональном уровне это неизбежно ведет к функционально-ролевому конфликту. Ведь членство в НРО подразумевает выполнение ряда обязанностей и безусловное следование внутригрупповым моделям поведения. Вытекающая из этого новая, религиозная, роль вступает в противоречие с привычными светскими ролями. Иначе говоря, индивид, став заложником максимализма НРО, вынужден разрывать между ролевыми требованиями, выдвигаемыми религиозной общиной и предъявляемыми к нему обычным социальным окружением. Далее, на примере ряда устойчивых и хорошо известных сект я проиллюстрирую действие механизма их дисфункциональности на примерах конфронтационного взаимодействия с некоторыми базовыми социальными институтами, составляющими "костяк" любого общества: семьей, системой образования, искусством, здравоохранением.

Общезвестно, что институт **семьи**, помимо финансовой и хозяйственной поддержки супругами друг друга, детей и стариков, обеспечивает социализацию и инкультурацию новых поколений, отвечает за духовное развитие личности, призван оказывать психологическую поддержку своим членам. Эти задачи реализуются в рамках статусной роли индивида (супружеской, родительской и др.), выполнение которых поддерживает функциональность семейной группы. Перечисленные установки – неотъемлемая часть культурного наследия практически всех народов мира, освящаемая традиционными религиями, обычаями, законодательством. Однако у семейного человека, ставшего членом НРО, в этой сфере неизбежен функционально-ролевой конфликт.

Один из наиболее распространенных его вариантов – конфликт во взаимоотношении поколений. Необходимость уважительного и почтительного отношения к родителям – один из столпов семейной жизни в иудейской, христианской, буддистской, мусульман-

ской, конфуцианской и иных традициях. Глава же псевдохристианской «Православной церкви Божьей Матери "Державной"»⁴ самопоставленный епископ В. Береславский проповедует среди своих последователей взгляд, идущий вразрез с общепринятым семейным этосом. По его мнению, родители, выросшие в советские атеистические времена, – помеха в деле душеспасения: "В человеке, ставшем на путь правды, вступают в конфликт два начала: внушение сатанино, диктуемое отцом и матерью (родом) – и совестью" [Секты... 2000, с. 106]. Перетолковывая библейский стих: "Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня" (Исх. 20,5), Береславский считает людей, живших в стране, где атеизм был одной из основ государственной идеологии, проклятым поколением.

Особо негативная установка дается в отношении матерей. Согласно учению "державников", мать-атеистка – "блудница вавилонская", вместилище распутства, лицемерия, лжи. Она "занимает место, определенное Духу Святому, окрав храм внутренний, образ Божий, приданный при рождении. Она пересотворяет душу и созидает в ней свое родовое дымящееся капище, где вместо лика Пренепорочной Девы с Младенцем изображена блудница вавилонская, голая девка, ведущая на поводке свинью" [Береславский, 1991, с. 141, 143, 145].

Причем, вряд ли у адепта этой "церкви" есть время и возможность критически осмыслить постулаты своего вероучения. Религиозную практику рассматриваемого НРО характеризует фанатический аскетизм: изнурительный пост ("призываю начать с самого малого: двухразового принятия пищи, и раз в неделю – на хлебе и воде") и бдения ("убью себя, но не усну, говорит праведник"); близкое к нейропрограммированию погружение в молитву ("ни секунды вне молитвы"), возвышение безбрачия над семейной жизнью ("семейные узы не ведут ныне к добру") [Секты... 2000, с. 623–624; Дворкин, 2002, с. 480, 485].

Аналогичным образом "Общество сознания Кришны" связывает духовный рост человека не только со способностью порвать с национальными и культурными корнями, с отказом от материальных благ, карьерных и прочих иллюзий, но и с преодолением привязанности к семье и близким. Ибо, как учит книга "Бхагавад-Гита как она есть", "все виды деятельности, за исключением деятельности в сознании Кришны, не стоят трудов". Освобождение от привязанности к жене, детям, другим родственникам считается одной из труднейших духовных задач в кришнаизме, разрешение которой наделяет человека духовным сознанием – сознанием Кришны [Бхактивендата, 1990, с. 753–755]. Другой кришнаитский источник "Шримад-Бхагаватам" семейную привязанность и вовсе объявляет последней степенью деградации человека. Умалению семьи у кришнаитов сопутствует откровенная мизогения. По их учению, женщина по сравнению с мужчиной обладает низкими интеллектуальными способностями. В связи с этим ей должно быть отказано в праве выбора, ибо только "демоны (те, кто не признают Кришну своим Богом. – Ю.Я.)... полагают, что женщинам необходимо предоставить такую же свободу, как и мужчинам" (цит. по [Секты... 2000, с. 107, 112–113]).

Механику воздействия на менталитет в кришнаизме отличает изощренность. В одной из передач радио "Кришналока" (27 мая 1997 г.) руководитель российских кришнаитов Вайдьянатха дас (В. Тунеев), отвечая на вопрос о культивировании в их вероучительной литературе равнодушия к семье, нации, государству и т.д., указал на необходимость разграничения понятия "привязанность" и "долг". Первое чувство действительно осуждается Кришной, второе – приветствуется, то есть человек призван исполнять свой долг, но без какой-либо привязанности. Далее, пояснил Вайдьянатха дас, наипервейший и наивысший долг кришнаита – бог [Диспут; Кривельская, 1999, с. 201–203].

Разобраться в столь тонкой диалектике – развитии чувства долга, воплощенного в божестве, при одновременном снижении чувства привязанности – сложная психологическая работа, требующая либо глубокого изучения предмета, либо духовного настав-

⁴ Ранее это объединение именовалось "Богородичный центр".

ничества. Если вступление в ряды кришнаитов – осознанный религиозный выбор человека, результат своеобразного поиска, предполагающего, как минимум, знакомство с иными религиозными традициями, изучение "своего" вероучения по первоисточникам и т.д., то в этом случае интеллектуально выстраданное решение о принадлежности к данной религиозной группе свидетельствует, по крайней мере, о способности индивида к духовно-нравственному труду. Поэтому можно предположить, что он, разобравшись в духовных тонкостях и сознательно приняв предлагаемую ему концепцию соотношения долга и привязанности, сумеет и далее строить хотя бы нормальные, неконфликтные взаимоотношения с членами своей семьи.

Совершенно иная ситуация складывается, когда выдернутое из контекста зерно восточной "мудрости" предлагается уличным миссионером-кришнаитом (в виде подарка – красочно изданных брошюр) или через радиовещание среднестатистическому человеку, который не отличается образным мышлением, а значит, не способен к самостоятельному критическому истолкованию предлагаемой ему аллегорическо-символической информации. В теории человек может ее сразу отторгнуть, но может и проявить к ней интерес. Поскольку в большинстве своем современные россияне интеллектуально пассивны, в лучшем случае они будут искать ответы на возникшие вопросы на Интернет-сайтах и форумах, которые направят в их кришнаитский центр за духовным наставничеством. В принципе этот институт свойствен любой религии, но в неоориенталистских учениях он возведен в абсолют: полное подчинение "гуру" рассматривается в них как единственный путь к духовному росту личности. Культивирование такой несамостоятельности и зависимости в духовной сфере способствует социальной дезадаптации человека и усвоению им неадекватного понимания реальности, включая семейные и прочие обязанности.

Дисфункциональность семейных взаимоотношений неизбежно ведет адептов НРО к конфликтам по поводу **светского образования**, отношение к которому у конфронтационных религиозных групп обычно варьируется от настороженности до частичного или полного неприятия. Так, псевдохристианская "Церковь Последнего Завета" или "виссарионовцы" учит, что образование детей должно ограничиваться изучением арифметики, правописания и овладением какого-либо ремесла. Остальные дисциплины могут лишь нанести вред разуму и сердцу ребенка, разрушая его интеллектуально и нравственно [Нетрадиционные... 1996, с. 26]. Поэтому сначала последователи главы этого НРО – Виссариона (С. Торопа), поселившиеся замкнутыми коммунами на юге Красноярского края, пытались обучать детей самостоятельно. В конце 1990-х гг. в связи с увеличивающейся критикой в адрес нетрадиционных религиозных групп Виссарион позволил своей пастве отправлять детей на учебу в государственные образовательные учреждения [Дворкин, 2002, с. 664]. Нетрудно понять, какой стресс испытывают в подобных условиях сознание и психика ребенка, на которого одновременно воздействуют две взаимоисключающие системы приоритетов и ценностей – нормативная, даваемая школой, и общинная, агрессивно противостоящая ей.

Упомянутая выше «Православная церковь Божией матери "Державная"», стремясь максимально изолировать своих последователей от "греховного мира", сперва попыталась создать альтернативную систему образования. С этой целью была организована Духовная академия им. Преподобного Симеона Нового Богослова, предоставлявшая членам церкви возможность пройти курс изучения Ветхого и Нового Заветов, истории христианства, откровений мистиков восточной и западной церкви, но главное – своего катехизиса. Также предусматривалась возможность прослушать лекции по некоторым общегуманитарным дисциплинам и изучать английский язык. Однако работа этой "академии" вскоре остановилась по причине отсутствия денежных средств. Компенсировать ее пытаются с помощью семинаров, проводимых силами "клириков" [Лещинский, 2005, с. 111–112].

В принципе учение "державников" формально не запрещает своим последователям-мирянам получать светское образование. Однако фанатическая аскеза, предлагаемая "епископом" Береславским в качестве желательной модели поведения, исключает как

полноценное участие человека в образовательном процессе, так и возможность дальнейшей реализации полученных им знаний и профессиональных навыков. Подтверждают это многочисленные свидетельства очевидцев – родственников или бывших друзей членов «Православной церкви Божией матери "Державной"». Ознакомиться с этими фактами любой желающий может на Интернет-сайте "Сектовед".

Впрочем, куда больший ущерб может нанести человеку, вступившему в нетрадиционную религиозную общину, ее деструктивная позиция относительно научной **медицины**. Строго говоря, по данному вопросу весь массив НРО условно делится на два типа. К первому относятся группы, апеллирующие исключительно к нетрадиционным методам лечения. В лучшем случае, это преподносимые как незаслуженно недооцениваемые наработки народной медицины по оздоровлению организма (йогические практики, закаливание по системе "старца" П. Иванова и т.п.); в худшем – проповедуется якобы новое направление в медицинской науке. Подобные теории могут отличаться содержанием медицинского знания, формами его применения на практике, расходиться в объяснении его корней, источников. Но всех их объединяет вера в целительность своей методики, объявляемой эксклюзивной, сверхэффективной, дарованной свыше.

Наиболее репрезентативный представитель данного направления – разнообразные структурные ответвления "Церкви сайентологии": Центры Дианетики, Сайентологические центры, Хаббард-колледжи и т.д. Краеугольный камень их учения – разработанная основателем данной секты Л.-Р. Хаббардом дианетика, которая, по его утверждению, способна лечить неврозы, психозы и психосоматические заболевания. Для неискушенного человека хаббардовское "учение" о душевном и телесном здоровье выглядит довольно убедительно. Вскрывая источники психических и соматических недугов, оно оперирует разного рода наукообразными терминами: *энграммы* – болезненные воспоминания, откладывающиеся в бессознательном личности и полностью ее детерминирующие; *аудитинг* – дианетическая терапия под руководством *аудитора* (наставника), избавляющая человека от *энграмм*, благодаря чему *преклир* (пациент) становится *клиром* (очищенным).

Научность "теории" Хаббарда и ее претензии на вклад в знания о человеке опроверг еще в 1950-е гг. Э. Фромм: "Несмотря на все фантастические претензии автора, трудно найти что-нибудь оригинальное в его теориях, кроме новых слов для смеси плохо понятого и переваренного фрейдизма и экспериментов по регрессии эпохи гипнотизма". Однако медицинский дилетантизм, проповедуемый "сайентологами" как медицина будущего, альтернативная косной и отсталой традиционной науке, потенциально опасна для здоровья человека. «Смесь известного числа упрощенных истин, полуправд и явного абсурда, пропагандистская техника ошеломления читателя своим величием, непогрешимостью и новизной системы автора, обещания неслыханных результатов, достигаемых простым следованием за "Дианетикой", – вот техника, которая ведет к самым злосчастным результатам в областях патентованной медицины... психологии и психиатрии» [Фромм, 1996, с. 55–56].

Второй тип НРО представлен общинами, выражающими частичное либо полное недоверие к официальной медицине. На практике оно выражается в неприятии отдельных медицинских процедур (например, отказе от вакцинации или гемодиализа) и медикаментозных средств, в приоритете домашнего лечения над обращением за помощью в специальные медицинские учреждения. Классическим примером учений такого типа принято считать парахристианское объединение "Свидетелей Иеговы". Его последователи, апеллируя к библейскому стиху: "Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте" (Быт. 9, 3, 4), категорически отказываются от переливания крови, ассоциируемого с ее поеданием, даже если это жизненно необходимо. Свое мнение они подкрепляют и данными медицинской статистики, которые указывают на опасности, сопряженные с переливанием крови, особенно на заражение ВИЧ-инфекцией, и т.д. Однако есть основание говорить о смягчении позиции "Свидетелей", с оговорками признающими автогемотерапию как метод лечения и создающими для этого персональные банки крови.

Этого нельзя сказать о "виссарионовцах", которые, по единодушной оценке исследователей, стараются воздерживаться от помощи официальной медицины. Даже в случаях детских заболеваний, сопровождавшихся высокой температурой и кожными высыпаниями в виде язв, адепты "Церкви Последнего Завета" не предпринимали никаких медицинских мер, считая болезни детей "чистой", предсказанной в вероучении, а высокую температуру – "огненным лечением", исцеляющим тело и душу от скверны [Нетрадиционные... 1996, с. 26]. Независимо от псевдобогословского или оккультного обоснования подобных действий, они могут быть охарактеризованы только как поведенческая девиация и/или социальная дисфункция.

В подобном контексте негатив НРО в отношении **искусства** выглядит малозначимой проблемой. Но в действительности это не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. Общеизвестно, что искусство способно не только доставлять эстетическое удовольствие, но и формировать мировоззрение людей, опосредованно определяя их отношение к различным явлениям общественной жизни. Не случайно искусство часто использовалось как средство влияния на умы в кризисные периоды в истории. Достаточно вспомнить в этой связи значение литературных произведений Дж. Уиклифа, Дж. Мильтона, Эразма Роттердамского или Дж. Беньяна в эпоху Реформации и религиозных войн в Европе XVI–XVII вв., литературные труды Вольтера в век Просвещения или живописные полотна Ж.-Л. Давида в годы Французской революции (не говоря о нацистском искусстве и искусстве соцреализма).

Видя в светском, народном и прочих направлениях искусства конкурирующий источник влияния на умы, НРО воспитывают в своих приверженцах негативное отношение к общечеловеческим культурным ценностям, одновременно противопоставляя им свою, как правило, обедненную эстетику и формулируя изощренные идейно-риторические конструкты, в той или иной форме проповедывающие ее "высший смысл". Так, кришнаиты разделяют всю литературу на две категории: мирскую и трансцендентальную. Обращаться к первой – впустую тратить драгоценное время: она содержит разве что "гниющие отбросы чувственных тем" и способна привлекать лишь "духовно мертвых людей, подобно свалкам и помойкам, притягивающим к себе воронов". Трансцендентальная же литература, прославляющая Кришну и его дела, духовно возрождает человека, служит ему путеводителем в духовной жизни, а значит, только она заслуживает внимания [Секты... 2000, с. 114].

Аналогичную позицию в отношении искусства занимает и «Православная церковь Божией Матери "Державной"», считающая его произведениями исключительно предметы своей культовой практики (иконы, хоругви, медальоны и т.д.). И хотя среди членов этого НРО есть немало художников, скульпторов и дизайнеров, создаваемый ими художественный мир характеризуется примитивным эклектизмом: сочетанием сюжетов и символики западного и восточного христианства с привнесением некоторых собственных художественных элементов. Запрет на периодическую прессу и все книги, кроме сказок, существует и у "виссарионовцев", которым их духовный лидер вообще не рекомендует размышлять о высших сферах [Община...]. О художественных вкусах, естественно, не спорят, и отказ от искусства в принципе дело добровольное, но сакрализованное отлучение индивида от культурного наследия человечества не просто обедняет его жизнь, но ведет к социальной исключенности членов неформальных религиозных общин, бытие которых в результате ограничивается искусственно созданными рамками маргинального социально-культурного пространства.

Таким образом, соотнесение функциональных характеристик НРО и некоторых базовых институтов современного социума достаточно четко указывает на функциональную дисгармонию маргинальных религиозных сообществ. Учения НРО, по существу, явно или латентно демонстрируют отрицание сложившихся семейных ценностей, культурного наследия и научного знания; практики внедрения ими альтернативных приоритетов представляют собой различные формы изощренного или жесткого давления на психику адептов, среди которых насаждается религиозный фанатизм и морально-этический и нравственный радикализм.

Вследствие этого религиозная статусно-ролевая позиция такого верующего вступает в конфликт с его семейной, профессиональной, гражданской и другими ролями. Требуя от последователей тотального участия в жизни общины, НРО ставят людей перед дилеммой: либо душеспасение (у них), либо все остальное (родственники, друзья, учеба). Семейные, учебные и другие обязанности, невыполнение которых грозит потерей семьи, работы, возможности получения специальности и пр., игнорируются, а инакомыслие подавляется.

При столь жестком выборе одного ролевого набора при полном отказе от другого индивид не может не испытывать чувства вины (неважно, перед религиозной группой или, например, семьей), интенсивность переживания которого зависит от глубинных личностных особенностей. Поскольку люди, выбирающие НРО, как правило, обладают неустойчивым эмоциональным типом, самостоятельно справиться с психологическим дискомфортом, вызванным ролевым конфликтом, им не под силу. Здесь требуется квалифицированная психологическая помощь, но официальную науку и медицину маргинальные религиозные учения отвергают. Словом, круг замыкается.

Поэтому, как мне представляется, информация – не менее важная форма профилактики социальной девиации и дисфункции, нежели конфессиональные диспуты с сектами или попытки законодательно ограничить пространство их деятельности (не говоря о практике скандальных, но с претензией на научность "разоблачений" НРО, в нынешней форме способных лишь подорвать доверие к науке о религии у всех интересующихся такими вещами). Совершеннолетний россиянин, безусловно, имеет право на духовный выбор, но при этом он должен заранее осознавать и последствия такого выбора, связанные с выталкиванием его из обычных социальных сетей в маргинальную среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Береславский И., еп.* Исповедь раненого сердца. М., 1991.
- Бхактивендата Свами Прабхупада.* Бхгавад-гита как она есть. М.–Л.–Калькутта, 1990.
- ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 601. Религия и вера в нашем обществе. 2006. 19 декабря // <http://www.vciom.ru>.
- Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2002.
- Диспут священника Русской православной церкви Олега Стеньяева и Вайдьянатха даса, руководителя Центра обществ Сознания Кришны в России (прямой эфир на радио "Кришналока" 27 мая 1997 г.) // <http://stolica.narod.ru/statyi/010.html>.
- Кривельская Н.В.* Секта: угроза и поиск защиты. М., 1999.
- Лецинский А.* Особенности богородичного движения в России (Из опыта социально-философского анализа). М., 2005.
- Миронов А.В., Бабинов Ю.А.* Основы религиоведения. Эволюция религии в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2.
- "Нетрадиционные религии" в посткоммунистической России ("круглый стол") // Вопросы философии. 1996. № 12.
- Община единой веры (Виссарионовцы, Община "Источник", Церковь последнего завета) // <http://religion.babr.ru/chr/east/srs/hv/viss.htm>.
- Определение Священного Синода об участвовавших в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью вязать и решить. 28 декабря 1998 г. // <http://www.krotov.info/acts/20/20000814/19981228.html>.
- Определение Архиерейского собора Русской православной церкви "О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме". 1994. Декабрь // http://www.sektoved.ru/articles.php?art_id=38.
- Секты против Церкви (Процесс Дворкина). М., 2000.
- Семенов Л.* Мунизм как источник социальной опасности в современной России // Тезисы докладов "Тоталитарная секта – угроза XXI века". Нижний Новгород, 2001.
- Уминский А.* Возможен ли диалог между Церковью и сектами // Тезисы докладов "Тоталитарная секта – угроза XXI века". Нижний Новгород, 2001.
- Фромм Э.* "Дианетика": искателям сфабрикованного счастья // Человек. 1996. № 2.
- Яблоков И.Н.* Религиоведение. М., 1998.